

С. А. Добрецова <https://orcid.org/0000-0003-0387-3192>

Частная жизнь советского человека в музейных экспозициях города Иванова

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Добрецова С. А. Частная жизнь советского человека в музейных экспозициях города Иванова // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121). С. 194-203. DOI 10.20323/1813-145X-2021-4-121-194-203

В статье проанализирована частная жизнь советского человека на примере музейной экспозиции г. Иваново – музея первого Совета. Автор констатирует, что культура повседневности советской эпохи, с одной стороны, утрачивается, но, с другой стороны, обладает невероятной популярностью не только в научной среде, но и в сфере массовой культуры, что определяет актуальность ее изучения.

Экспозиция, представленная в музее первого Совета в городе Иваново, характеризуется уникальностью. Посвященное историческому событию музейное пространство демонстрирует зрителю контрастный интерьер комнат промышленника и его рабочего, который отсылает к мысли о том, что революция как мощнейший сдвиг в социальной и культурной жизни общества была неизбежна. В отличие от других музеев культуры советской повседневности, ивановский музей предлагает зрителю не просто демонстрацию периодов развития советской культуры, но и репрезентативное отражение эволюции советского быта и человека: от человека коммунальной квартиры, для которого даже личная комната не становится частным пространством и пронизана идеологическими лозунгами, до человека с индивидуальным набором интересов, вкусов и желаний. И этот человек стремится воплотить их в интерьере уже собственной квартиры, делая ее более уютной, положительно презентуя произошедшие социальные изменения. Проанализированное музейное пространство обладает синтетизмом, поскольку отражает не только исторический контекст и социальные изменения, но и бытовые детали. Экспозиция определяется автором статьи как своего рода попытка представить макроисторию посредством микроистории частной жизни советского человека.

Ключевые слова: советский человек, частная жизнь, коммунальная квартира, культура повседневности, синтетизм, уникальность, эволюция советского быта, микроистория.

S. A. Dobretsova

The private life of soviet person in museum expositions of Ivanovo

The article is devoted to private life of soviet person on an example of museums exposition of Ivanovo – the Museum of first Soviet. The author takes note that, on the one hand, an everyday culture of soviet epoch is lost, but, on the other hand, this culture has a big popularity not only in the science sphere but also in the sphere of mass culture. It accents an actuality of its researching.

The exposition representing in the museum of first soviet has unicity. A museum space dedicated to a historical event shows to visitors a contrast interior of manufacturer and his worker. It illustrates that revolution as a strong move in a social and cultural life of society was inevitable.

Among mass of everyday culture of soviet epoch museums the Ivanovo museum offers visitors not only demonstration of periods of soviet culture development but also representative reflection of soviet way of life and person evolution. From a person of bedsit, which even his room doesn't become private space and full of ideological mottoes, to the person with individual set of interests, tastes and desires. This new type of person tries to bring his interests, tastes and desires into his new flat interior making it cozier, positive representing social changes.

The museum space has synthetism as far as it repels not only historical context and social changes but also way of life details. The author puts museum exposition as an attempt of presenting macro history by way of micro history of private life of soviet person.

Keywords: soviet person, private life, bedsit, everyday culture, synthetism, unicity, evolution of soviet way of life, microhistory.

Введение

Одной из главных проблем современной отечественной гуманитарной науки является осмысление недавнего прошлого, событий, очевидцы которых живы и имеют собственные представления, отличающиеся ярко выраженной субъективностью, о разных аспектах этих событий. Тем более значимой для современной культурологии становится попытка объективного рассмотрения особенностей культуры советской эпохи, культурная память которой находится на стадии формирования и, в свою очередь, влияет на формирование картины мира в современности: «Репрезентация прошлого становится не только и не столько механизмом присвоения и освоения ценностей, традиций и художественных образцов культуры, сколько <...> способом формирования картины мира в массовом сознании» [Ерохина, 2017, с. 269]. Социокультурная ситуация современной России характеризуется обращением к событиям советской истории, которые имеют символическое значение в отечественной культуре: юбилей комсомола (2018), юбилей революции (2017), грядущий юбилей образования Советского Союза (2022).

По нашему мнению, вышесказанное свидетельствует о необходимости не только научного осмысления концептуальных оснований советской культуры, что делалось в последние десятилетия и делается в рамках нашего коллективного проекта, но и обобщения локальных социокультурных феноменов и ситуаций в философско-антропологическом аспекте.

Обращение к музейной деятельности, основанной на воссоздании частной жизни советского человека, обусловлено в нашем исследовании рядом причин. Прежде всего, это важно, поскольку, как принято считать и как отчасти было на самом деле, частная жизнь конкретного человека советской эпохи нивелировалась, она являлась частью идеологии и зависела от политики, власти, государства. Вместе с тем культура повседневности советского времени приобретает в последнее время все большую исследовательскую популярность и притягательность, может быть, вопреки представлениям о ее клишированности и ординарности, отсутствии индивидуальности, что позволяет не только предположить наличие определенного культурного кода применительно к частной жизни советского человека, но и выявить причины ностальгических настроений и популярности в современной культуре артефактов или элементов советских практик. Кро-

ме того, обращение к частной жизни не на вербальном или аудиовизуальном уровне (литература, мемуары, кинематограф, телевидение), а в музее как живой и конкретной среде пребывания свидетельств о жизни советского человека, связано с парадоксальностью ее бытования в культуре: с одной стороны, мы можем констатировать, что советская культура повседневности утрачивается; с другой – она обладает невероятной популярностью не только в научной среде, но и в сфере массовой культуры. Обозначенные выше факторы определяют актуальность, научную значимость и перспективность данного исследования.

Предметом исследования стала репрезентация частной жизни [Козырьков, 2002] советского человека, представленная в музейных экспозициях г. Иваново. Под термином «частная жизнь» мы понимаем особенности повседневной культуры советского человека, в которой отражаются черты его личности. В задачи исследования также входит изучение интерпретации революционных событий в современном музейном пространстве. Все это сделано на материале ивановского музея (связь одного из самых молодых городов Центральной России с советским бытом максимально отчетлива) как музея советского быта.

Материалом исследования стала музейная экспозиция г. Иваново – музей первого Совета.

Методы исследования

Исследованию культуры повседневности как недавнего, так и более отдаленного прошлого необходимо придать междисциплинарный характер, в силу чего методологический аппарат включает разного рода подходы и методы, которые позволяют анализировать повседневную культуру как в статическом, так и в динамическом аспектах.

Наше исследование в силу сказанного прежде всего базируется на социокультурном подходе, в рамках которого культура повседневности рассматривается как культурологическая категория, отражающая нетривиальные смыслы, скрытые за обыденными вещами. В статье востребованы методы сравнения, обобщения и анализа, позволяющие представить концептуальную связь бытовых вещей с другими сферами культуры, глобальными историческими событиями и социальными потрясениями. Необходимым было и использование историко-культурного метода, которое позволило проследить динамику изменения бытовой составляющей жизни советского чело-

века, нашедшей отражение в экспозиции музея первого Совета.

В статье актуализированы методологически значимые концепции советской культуры повседневности, сформулированные как авторитетными исследователями прежних десятилетий (Н. Б. Лебина, Н. Н. Козлова, И. В. Утехин), так и более молодыми исследователями советской культурной эпохи (М. В. Александрова, Е. Ю. Герасимова). Внимание уделено также вопросам музейной коммуникации и философии музея (М. Б. Пиотровский, О. С. Сапанжа). Вопросы культурной памяти актуализированы с учетом работ Т. И. Ерохиной, Т. С. Злотниковой, Ю. М. Лотмана.

Результаты исследования

Рефлексия советского быта в последние десятилетия распространена достаточно широко в разных сферах – это касается кино, телевидения, литературы и в значительной степени характерно для частных музеев. Обращаясь к каталогу частных музеев России, который обновляется каждый календарный год (на сайте каталогов [Каталог музейного ... , 2019] есть редакции 2018, 2019, 2020 и 2021 гг.), обнаруживаем наличие несколько десятков музеев, так или иначе посвященных советской действительности: это и политически детерминированные музей Сталина в Волгоградской области, музей «Битва за Ленинград» имени З. Г. Колобанова в Ленинградской области, музей истории КПСС в Липецкой области, Марийский мемориальный народный музей истории ГУЛАГа в республике Марий Эл, и в прямом смысле камерные музей советского детства в Московской области и музей советских игровых автоматов в Санкт-Петербурге.

Большинство представленных в каталоге музеев, посвященных советской эпохе, отражают историю отечественной войны. Обилие «военных» музеев объяснимо весьма просто – культурная память воссоздается посредством артефактов военного времени, формируя в некотором роде генетическую память советского и русского народа о главном трагическом событии XX в.: «Великая Отечественная война была воспринята как личное несчастье, личный подвиг и личный опыт каждого из множества людей этой страны» [Злотникова, 2020, с. 201].

Интерес же к советскому быту, незамысловатому, обыденному, где-то даже бедному, анализ которого позволяет нам выявить особенности советского типа личности, дает весьма парадоксальные результаты. С одной стороны, мы можем

объяснить этот интерес тем, что еще живы непосредственные участники событий, очевидцы, которые ностальгируют по ушедшей эпохе и личными вещами формируют музейные коллекции, что особенно типично для провинции: Иваново, Ярославль, Рыбинск. С другой стороны, интерес к советскому быту проявляет более молодое поколение, которое в силу возраста не может испытывать ностальгии, но, тем не менее, чувствует ностальгическое настроение, создаваемое, по нашему мнению, транслированием советских идеалов и советского образа жизни средствами массовой культуры. Таким образом, сегодня музеи советской культуры выходят на пик зрительской популярности.

Музеи, контент которых посвящен советской повседневности, будут интересовать нас прежде всего в экспозиционном и коллекционном аспектах, поскольку современные музеи отражают посредством своих коллекций и экспозиций частную жизнь человека советской эпохи, человека, который и трудовой и праздничный модус своей жизни проводит в коллективе, где «сближается с другим таким же персонажем без дистанции социальных условностей» [Ермолин, 1996, с. 46].

Повседневную жизнь советского человека мы рассмотрим на примере музейных коллекций города Иваново как наиболее репрезентативного в аспекте формирования раннесоветской культуры провинциального города, где впервые еще в предыстории Советской России (1905) был организован общегородской Совет рабочих депутатов, созданный в ходе всеобщей политической стачки иваново-вознесенских рабочих.

Это событие в культурной памяти горожан зафиксировано, прежде всего, в ГБУ Ивановской области «Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д. Г. Бурылина», содержащем несколько экспозиций (отметим, что каждая экспозиция, видимо, для придания значимости, названа «музеем»): музей ивановского ситца, музей промышленности и искусства, дом-музей семьи Бубновых, музей Д. А. Фурманова и представляющий для нас особый исследовательский интерес музей первого Совета, включающий в свою экспозицию музей советского быта, получивший среди жителей города название «коммуналка».

Прежде всего, необходимо отметить, что музей первого Совета представляет собой не симулякр, а пространство, имеющее глубокие исторические корни. Музей расположен в здании бывшей мещанской управы, построенной в 1904 г., и

именно в нем в 1905 г. проходили заседания первого в России общегородского Совета рабочих депутатов. У здания сложная судьба: в советское время здесь располагались разные учреждения или сообщества, в том числе коммунальные квартиры, комитет по культуре, и только в 2005 г. был открыт музей, ставший своего рода индикатором культурной памяти города. История здания применительно к советскому периоду удивительным образом переключается с развитием и становлением самой советской культуры: сгенерировавшись от «взрыва» (политическая стачка), пройдя через период формирования нового быта (коммунальные квартиры) к обретению особого социально-культурного статуса (комитеты и другие учреждения), советская культура оказалась актуализированной в современности в музейном (по сути мемориальном) аспекте. Поэтому появление в здании музея отсылки к конкретному историческому событию носит концептуальный характер, оно оправданно и уместно. Значимость для культуры подобной тенденции актуализации культурной памяти подтверждают авторитетные музеологи. Так, О. С. Сапанжа говорит о том, что музейное пространство приобретает особый характер в процессе актуализации заложенных в нем смыслов, «причем эта коммуникационная специфика музея связана с необходимостью актуализации пространства культуры в целом» [Сапанжа, 2009, с. 248].

Итак, пространство музея, воплощающего специфику советского быта, состоит из трех залов, посвященных революционному конфликту (комната рабочего, комната промышленника и зал для заседаний) и экспозиции «коммуналка», в состав которой входят еще пять залов одинаковой площади и общий коридор. Музейный зал имеет кольцевую композицию, демонстрируя посетителю эпохи развития общества. Первоначально взгляду открывается комната рабочего, который полностью зависел от работодателя-промышленника: маленькая комнатка с одним окошком, темная, с узкой кроватью, покрытой лоскутным одеялом, где вряд ли можно отдохнуть после тяжелого трудового дня. На столе расположилась домашняя утварь: кринки, кувшины, чайники. В одном пространстве совмещены и кухня, и спальня, и своего рода «гостиная» для встречи редких гостей. Несмотря на правдоподобность бытовой составляющей экспозиции (темная, узкая, тесная), средства, создающие музейную концепцию, качественны и способствуют решению основной задачи – трехмерному по-

гружению в среду рабочего промышленности Иванова. Решается музейно-экспозиционная задача за счет объемного моделирования пространства: из окна за занавеской открывается вид на деревенскую улицу, подсвеченную с помощью технических средств, что создает иллюзию настоящего окна.

В экспозиции использован прием контраста: из комнаты рабочего посетитель попадает в комнату его хозяина – промышленника: светлую, с высокими потолками, просторную, с дорогой мебелью и аксессуарами (обитые светлой парчой стулья, золоченые подсвечники, стол с мраморной столешницей). Этот контраст очень убедителен, особенно он воздействует, на наш взгляд, на юных посетителей, которые, как известно, мыслят наглядными образами. Убогая, темная, маленькая комнатка, скорее даже не комната, а каморка, противопоставлена просторной, светлой и богатой комнате промышленника. Экспозиция, таким образом, демонстрирует предысторию политического и экономического конфликтов между двумя мирами, обозначая неизбежность столкновения рабочего и промышленника, которое и приводит к революции как к их логическому разрешению.

Благодаря мастерству куратора музейного пространства, который выступает в некоторой степени в роли режиссера или художника-постановщика, далее посетитель оказывается в зале, где и происходит принципиальный конфликт между рабочими и промышленниками: аутентичные лавки, трибуна, стол, покрытый зеленым сукном, перила, отделяющие говорящих от зала, где сидят участники собрания (рабочие, уполномоченные депутаты). Еще большую убедительность экспозиции, воссоздающей обстановку удаленной во времени жизни (в чем-то, и это следует оценить положительно, напоминающей декорации кинофильма, в котором «действующими лицами» являются посетители), придают современные технические средства, формирующие интерактивность и подчеркивающие эффект присутствия. Уверенно и продуктивно использованы экраны с советскими плакатами, геометрическая конструкция с подсвечивающими элементами, где по центру располагается большое живописное изображение, словно взятое из учебников по истории революции, фильмов и книг соцреализма. Так построена сцена агитации с волевым, устремленным вперед жестом оратора. Все эти детали создают у посетителей ощу-

щение молчаливого присутствия в сложной, волнующей эпохе раннесоветского города.

Посетители становятся своего рода участниками представленного конфликта, поскольку музейная экспозиция предлагает выбрать сторону конфликта: по левой стене расположены высококачественные стенды, словно дайджесты, представляющие информацию о стачке рабочих в Иваново-Вознесенске, с именами, датами, подлинными фотографиями. Мы считаем, что это абсолютно оправданный музейный прием, поскольку предварительный «рассказ» экспозиции подготовил посетителя к вопросам и дает на них краткие ответы, которые могут в дальнейшем перерасти в исследовательский интерес.

Таким образом, рассмотренная нами первая часть музейного пространства формирует вокруг посетителя внятный в своей конкретности контекст – «систему смыслов, которые лежат за пределами смысла музейного предмета» [Сапанжа, 2009, с. 248]. Смыслы в данном случае касаются общих социально-политических вопросов, масштабных исторических процессов, повлиявших на жизнь провинциального города Иваново. В то же время формирование этих смыслов происходит за счет конкретизации и детализации мира частного, в данном случае рабочего человека, обстановки его комнаты, предметов его быта, построенных на контрасте с бытом промышленника, тем самым подчеркивая ожесточенный конфликт, приведший в дальнейшем к революции. В этой части экспозиции мы видим именно частную жизнь «маленького», но сильного духом человека, который решает бороться за улучшение условий собственной жизни, что мы и обнаруживаем в демонстрации эволюции быта, представленного в следующей части экспозиции, получившей наименование «коммунальная квартира».

Второй части экспозиции отведен целый музейный зал, зонированный таким образом, чтобы каждая отдельная часть представляла собой комнату со своим функционалом: кухня, кабинет, жилая комната. Таким образом, перед глазами посетителя постепенно разворачивается частная жизнь советского человека с несколькими десятками артефактов, отражающих его устремления, желания, интересы: «Жилье является значимым пространством, в котором устанавливаются правила жизни в определенном обществе» [Герасимова, 1998, с. 225]. На наш взгляд, в этом последовательном развертывании частной жизни просматривается своеобразие представленной экспозиции. Как было отмечено ранее, музеи, отража-

ющие советский быт (но чаще это не музеи, а только отдельные залы или фрагменты экспозиций), достаточно типичны и, к сожалению, клишированы, поскольку содержат в своих экспозициях идентичные артефакты. Ивановская экспозиция отражает *эволюцию* досоветского, что важно, и, далее, советского быта, его изменчивость, формируемую от эпохи к эпохе, в некотором случае даже контраст между обыденными практиками разных периодов, поскольку отражает движение от коммунальной квартиры как традиционной составляющей частной жизни социалистического города, где отдельная квартира не существовала и не могла быть ориентирована на семью [Герасимова, 1998, с. 227], к «апофеозу» советского комфорта – квартирам-хрущевкам.

Экспозиция этого зала сопровождается аудиорядом: звучат музыкальные композиции советской эпохи. По замыслу кураторов музейного пространства, музыкальное сопровождение представлено в не очень качественном звучании, с помехами, имитирующими звук старых приемников, что обеспечивает полное правдоподобие и позволяет погрузиться в атмосферу советского быта.

Первой для посещения этой части экспозиции открывается кухня советской коммунальной квартиры. Небольшая, совмещающая в своем функционале кухню и ванную: здесь же располагаются и примитивная стиральная машина, и доска для стирки белья, и средства для стирки. Многофункциональность и неприхотливость бытовых деталей, дизайна, обстановки соответствуют поневоле малочисленным потребностям и желаниям человека советской эпохи. Мы можем отметить, что в аспекте многофункциональности бытовых предметов, что отмечают и авторитетные исследователи советского быта, представленная часть экспозиции актуальна. Так, И. В. Утехин подчеркивает, что «элементы среды квартиры консервативны и обладают памятью. ... Они поливалентны и с готовностью принимают вторичные функции: окна-холодильники, стиральные машины – шкафы и столы. Выбирается наиболее эффективная линия поведения, требующая минимальных затрат труда и ресурсов» [Утехин, 2004, с. 32].

В экспозиции присутствует холодильник марки «Зил». В связи с этим отметим, что деление музейного пространства на комнаты, относящиеся к разным периодам (20-е, 30-е, 40-е, 50-е, 60-е, 70-е гг.), весьма условно. Так, кухня, согласно представленным комментариям, характерна для

20-30-х гг., однако общеизвестно, что холодильники, которые начали производиться в 50-е гг., получили широкое распространение в быту только в 60-х гг. Рядом с холодильником располагается шкаф для посуды, в котором расставлены чайный сервиз, кофейник, алюминиевые емкости для хранения разного рода шипучих продуктов, весьма долговечные, поскольку известны и использовались еще в период детства автора статьи (первая половина 1990-х гг.). Этажерка с кофемолкой и коричневый кофейник находятся чуть дальше. Складывается ощущение, что в это пространство, именуемое кухней, были принесены и достаточно формально получили свое место все кухонные предметы (в том числе и явный, по нашему мнению, анахронизм – холодильник), которые возможно было найти и приписать к кухонной утвари. Дифференциация предметов советской повседневности разных периодов и, например, досоветского буржуазного быта в пространстве кухни отсутствует: кофемолка и емкость с надписью «РИСЬ» очевидно к советской повседневности имеют весьма опосредованное отношение.

При входе в каждую комнату содержится уже упомянутое выше описание наиболее значимых особенностей быта советских граждан соответствующего периода. Так, кухня и следующая комната отмечены 20-30-ми гг., в музейном описании присутствуют сведения об индустриализации и коллективизации, урбанизации и отмене частной собственности, которые нашли отражение в бытовой обстановке комнат, переводя масштабные исторические события в парадигму повседневности и быта: мы видим, что из обращения ушла мебель «кустарной работы» (сундуки, баулы, табуреты, топчаны – культурные коды ушедшей буржуазной эпохи), в интерьере стали активно использоваться металлические кровати, комоды, этажерки, гиревые часы; атрибутами обстановки стали диафильмы, советские журналы «Наука и техника», «Работница», «Хочу все знать», дополненные присутствием пары лыж как элементов нового советского быта.

Находясь в музейном пространстве, где по факту граница между музейным артефактом и посетителем практически отсутствует за счет камерности, своего рода интимности обстановки, посетитель испытывает ощущение, будто хозяин только что вышел в соседнюю комнату и вернется буквально через несколько мгновений. Посетитель также может предположить, что оказался на съемочной площадке столь популярных сей-

час фильмов о советском прошлом. В любом случае все пространство коммунальной квартиры, созданное музейщиками, необычайно правдоподобно и непосредственно погружает посетителя в советский быт. Экспозиция показывает человека с его желаниями, интересами, с его повседневными занятиями в незамысловатом и простом быте: человека, читающего журналы, ходящего на лыжах, слушающего радио, смотрящего на своих близких, улыбающихся ему с фотографий.

Следующие комнаты посвящены быту 1940-х послевоенных лет и 1950-х гг. и скорее демонстрируют деловую, рабочую обстановку интеллигенции того периода: писателя, журналиста, научного работника. Так, центральное место в интерьере той эпохи занимает массивный письменный стол с печатной машинкой «Ленинград» и разного рода аксессуарами: трофейными гильзами, гипсовыми бюстами русских классиков, персонажами их произведений (Василий Теркин). Помимо стола, обращает на себя внимание диван с подлокотниками-валиками, высокой спинкой, полочкой и зеркалом, а также буфеты для посуды и одежные шкафы с двумя отделами: для вешалок и складывания одежды. Безусловно, все эти предметы не были доступны рабочему человеку, что подтверждает нашу мысль о том, что житель комнаты по социальному положению, скорее всего, интеллигент, интеллектуал. Можно предположить, что музейная экспозиция показывает формирование советской интеллигенции.

Комнаты разделены коридором, своего рода амбивалентным пространством. С одной стороны, это пространство, разграничивающее территории частных пространств разных семей, проживающих в коммуналке. С другой стороны, коридор не вполне изолирует эти частные пространства друг от друга, делая их проницаемыми элементами публичной сферы [Утехин, 2004, с. 42]. В пространстве коридора посетителю открываются написанные на красной ткани белыми буквами разного рода политические лозунги, имеющие очевидную локальную социокультурную модальность, связанную с местным производственным брендом – ткацкой промышленностью: «Борись с потерями на производстве!», «Отечественной ткани – отечественные красители!». Производственная деятельность в музее, представляющем частную жизнь, словно пронизывает личное пространство рабочего человека напоминаниями о главном – трудовом, рабочем предназначении даже в домашнем частном, но в

то же время коллективном/коммунальном пространстве.

Следуя логике движения во времени, очередная комната раскрывает детали быта 1950-х гг., где впервые в экспозиции появляется ребенок как полноценный член общества со своим пространством и артефактами: кроватью, коляской, игрушками (куклы, посуда, машины, плита), которые также отражают жизнь взрослых людей в советской стране, представляя собой уменьшенную копию реальных предметов. Появление в экспозиции ребенка с принадлежащими ему бытовыми артефактами, на наш взгляд, весьма существенно. Мы можем предположить, что до 50-х гг. семье с детьми не уделялось большого внимания в контексте советской культуры, поскольку основной задачей было строительство советской власти – масштабное дело для взрослых граждан, а в послевоенное время жизнь приобретает мирный характер, и семья с детьми становится условием восполнения человеческих ресурсов.

Необходимо отметить, что по мере приближения к нашему времени в пространстве коммунальной квартиры появляется все больше новых деталей частной жизни: дамская сумочка, туфли, шляпки, пальто, сапоги. И все это создает совершенно уникальную уютную, домашнюю атмосферу. Представляется, что вы находитесь не в музее, и перед вами не музейные артефакты, а реальные предметы, которыми можно легко воспользоваться. Ощущение погружения в жизненные реалии складывается в силу того, что некоторые предметы быта (пластмассовая елка, советская мишура, фигурка деда Мороза и т. д.) оказываются знакомыми автору статьи и людям, близким по возрасту к советской эпохе.

С другой стороны, эти детали и создают уют, теплоту, ощущение правдоподобия: книги, будильник, скатерть, вышитые подушки, ковер на стене с репродукцией И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу», который вообще был характерен для «спального места» [Утехин, 2004, с. 37], круглый стол, комод, шифоньер с зеркалом посередине, статуэтки балерин, слоников, высокие узкие вазы. Достоверности этой части экспозиции придает большое количество кружевных подзоров, вышитые уголки, дорожки, вышитые панно, газетницы, картины, ковер с функцией звукоизоляции, радиоприемник «Звезда-54» и вмонтированный в стену перед входом рядом с музейным описанием экспозиции настоящий советский электрический счетчик. Существенной

деталью экспозиции становятся типичность и штампованность представленных вещей и артефактов. Сквозь них просматривается облик человека, не отличимого от другого, живущего по соседству. Мы видим одинаковые предметы мебели, детские игрушки, одежду, не отличающиеся индивидуальностью и оригинальностью.

Теплота, уют, рожающие ностальгию, создаются с помощью незамысловатых бытовых предметов. Но бытовая насыщенность экспозиции представляется несколько хаотичной и избыточной, а нагромождение деталей не позволяет считать музей классическим, традиционным музеем со стендами, предметами, расположенными за стеклом и не дает возможности обратить внимание на каждый артефакт, создающий эффект реальной жилой, обжитой комнаты. Коммуникация с музейными артефактами осуществляется напрямую, прямолинейно, непосредственно. Музейная концепция оказывается имманентной жизненным реалиям, что переводит музей из формата концептуально выстроенной картины мира в формат повседневной, обыденной зарисовки. Но, полагаем, для воссоздания частной жизни такой формат не только допустим, но даже желателен, поскольку превращает советский быт в компоненту личного жизненного опыта посетителя.

Необходимо отметить, что большинство музеев, воссоздающих/иллюстрирующих советскую повседневность, тоже типичны и экспонируют схожие по своему происхождению, функциям артефакты советской культуры. Поэтому, на наш взгляд, задачей музейных работников, в первую очередь, является грамотная организация музейного пространства, его зонирование, размещение артефактов советской эпохи репрезентативно и оригинально.

Весьма существенной деталью ивановского музея становится следование «музейной истории» в хронологическом порядке: от формирования советского быта 20-30-х гг. до апофеоза советского комфорта – активно строящихся и заселяющихся в 1960-70-х гг. квартир-хрущевки. Им посвящен отдельный зал музейной экспозиции с характерной минимизацией, функциональностью и аскетичностью обстановки. Модный на тот момент интерьер комнаты составляет мебель на ножках – диван, сервант, книжный шкаф, трюмо, журнальный столик, подвесные книжные полки и торшер. Тем самым создается ось пространства комнаты «телевизор – диван (или кресло)», орга-

низирующая пространство для наиболее важной формы досуга» [Утехин, 2004, с 36].

В этой части экспозиции расположены своего рода уникальные артефакты, например, модель телевизора «Старт – 3», с прозрачной гибкой пленкой трех цветов: верх – голубая полоса, имитирующая небо, середина – полоса зеленая (дерева), нижняя часть экрана – коричневая (цвет земли). Просмотр телевизора был своего рода «аттракционом» счастья для советского человека. Создается ощущение, что его комната, особенно комната в хрущевке, является способом демонстрации успеха советской легкой и бытовой промышленности, делая дизайн (дело чрезвычайно личное и демонстрирующее личные вкусы и пристрастия хозяина комнаты) частью государственной политики и свидетельством достижений народного хозяйства. Помимо упомянутого телевизора, в качестве демонстрации удобства и успешности дизайна в экспозиции представлены пылесос и серийный двухдорожечный магнитофон «Днепр-9».

По мере продвижения музейной экспозиции по времени появляются все более мелкие детали, отражающие советскую повседневность в ее частной модальности: это книжный шкаф, подтверждающий миф о самой читающей стране мира. Такие издания, как «Лицом к лицу с Америкой», «Малярные, обойные и стекольные работы», «Служба быта в Иванове», «Мода 81» составляют личную библиотеку советского человека, демонстрируя совершенно разные сферы деятельности – от политической до бытовой. Присутствие книг как артефактов соответствует военному наблюдению исследователя о том, что традиционно в советской культуре книги выступали «преимущественно не как факторы интеллектуального и нравственного развития личности, а как проводники идей классовой борьбы» [Лебина, 2015, с. 160-161]. На книжной полке, представленной в «хрущевской» части экспозиции, подбор книг носит явный отпечаток не только индивидуального вкуса хозяина квартиры, но и социокультурных «предлагаемых обстоятельств», делая музейный антураж реальным, а его субъекта – обладающим собственными пристрастиями и интересами.

Мебель – органичный «участник» жизни, поэтому в обжитом пространстве советского жилища, помимо книжного шкафа, присутствует сервант для посуды, а с мебелью связано ее содержимое, вынесенное на общее обозрение: «советский», хрусталь (вазы, салатники, розетки для

варенья), а также сувенирная продукция. Обращаясь к авторитетам в области исследования советской культуры, мы также отмечаем убедительность этой детали, поскольку «власть подкрепляла антибуржуазность новых ритуалов питания и на визуальном уровне», что выражалось, прежде всего, в практике создания особой «советской» посуды [Лебина, 2015, с. 10]. И это, пожалуй, единственные артефакты в музейном пространстве, которые приобретают адресные черты, – ваза лауреата премии имени Евдокии и Марии Виноградовых за достижение наивысших показателей в труде, принадлежащая конкретному человеку. Сервант, конечно, всегда был предметом особой заботы и гордости советского человека, своего рода витриной повседневной жизни и объектом демонстрации «семейных достижений», а потому содержался в чистоте и порядке. Может быть, впервые здесь мы обнаруживаем процесс эстетизации повседневного пространства и его превращения в социокультурный феномен: «побуждение украсить быт очевидно в наибольшей степени» [Утехин, 2004, с. 37].

Таким образом, экспозиция ивановского музея формируется и представляется артефактами, характеризующими жизненные реалии среднестатистического советского человека – без особых претензий, типичного, скромного, но уже обладающего рядом «богатств», демонстрирующих достижение советского народного хозяйства и промышленности, а также стремящегося в определенной степени эстетизировать и индивидуализировать свое частное пространство.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

Экспозиция, представленная в музее первого Совета в городе Иваново, претендует на уникальностью: контрастный интерьер обитаемого (жилого) пространства промышленника и его рабочего «указывает» на то, что революция как мощнейший сдвиг в социальной и культурной жизни общества была неизбежной и логичной, а ее последствия – разнообразными и антропологически характерными.

На фоне многочисленных музеев культуры советской повседневности ивановский музей предложил не просто демонстрацию периодов советской культуры, но и репрезентативно отразил эволюцию советского быта и человека через детали и нюансы, начиная с обитателя коммунальной квартиры, для которого даже личная комната не становится частным пространством, а

пронизана идеологическими лозунгами, и заканчивая человеком с индивидуальным набором интересов, вкусов и желаний. И этот «новый» человек стремится воплотить свои предпочтения в интерьере уже собственной квартиры, сделать его более уютным, положительно презентуя произошедшие социальные изменения.

Проанализированное музейное пространство обладает синтетизмом, поскольку отражает не только исторический контекст и социальные изменения, но и бытовые детали. Мы можем определить экспозицию как своего рода попытку представить макроисторию посредством микроистории частной жизни советского человека. Вместе с тем отметим, что экспозиция оставляет вопросы, связанные, прежде всего, с отсутствием интерьера 80-х гг.

Библиографический список

1. Александрова М. В. Стилистика советской эпохи в современной массовой культуре: концептуальные кафе и рестораны // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 270-275.
2. Александрова М. В. Стилистика советского плаката в современной массовой культуре / М. В. Александрова, Н. М. Багновская // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 367-372.
3. Воробьева О. Ю. Актуализация культурной памяти в деятельности провинциального музея // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1 (118). С. 195-201.
4. Гачев Г. Д. Я – советский человек и не знаю другого образа... // НГ, 21 января 1994 г.
5. Герасимова Е. Ю. Советская коммунальная квартира // Историческая социология Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 224-243.
6. Герасимова К. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы / К. Герасимова, С. Чуйкина // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920-е годы / под ред. Тимо Вихавайнена. Санкт-Петербург : Нева, 2000. С. 27-74.
7. Ермолин Е. А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920-1930 гг. Ярославль : Изд-во Ярославского пед. ун-та, 1996. 141 с.
8. Ерохина Т. И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 269-274.
9. Злотникова Т. С. Человек, война, культурная память (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 200-208.
10. Злотникова Т. С. Человек. Хронотоп. Культура: Введение в культурологию : учебное пособие. 3-е

издание, дополненное и переработанное. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. 332 с.

11. Каталог музейного фонда. Частные музеи. Самородки России / сост. А. Ю. Шабуров. 2019. 977 с. URL: <https://privatemuseums.ru/katalog/>
12. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. Москва : Европа. 2005. 544 с.
13. Козырьков В. П. Частная жизнь личности и приватизация культуры // Вестн. ННГУ. Сер. «Социальные науки». Вып. 1(2). Нижний Новгород : НГГУ, 2002. С. 117-130.
14. Лукаш Н. П. Повседневная культура советских шестидесятых // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2007. № 48. Вып. 2. С. 120-126.
15. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
16. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200-202. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92f.htm>
17. Почепцов Г. Тоталитарный человек : очерки тоталитарного символизма и мифологии / ред. И. В. Вишниченко. Киев : Глобус, 1994. 151 с.
18. Сапанжа О. С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 245-252.
19. Утехин И. В. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. Москва : ОГИ, 2004. 277 с.
20. Философия музея : учебное пособие / М. Б. Пиотровский, О. В. Беззубова, А. С. Дриккер ; под ред. М. Б. Пиотровского. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2014. 192 с.

Reference list

1. Aleksandrova M. V. Stilistika sovjetskoj jepohi v sovremennoj massovoj kul'ture: konceptual'nye kafe i restorany = Style of the Soviet era in modern popular culture: conceptual cafes and restaurants // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 4. S. 270-275.
2. Aleksandrova M. V. Stilistika sovjetskogo plakata v sovremennoj massovoj kul'ture = Style of the Soviet poster in modern popular culture / M. V. Aleksandrova, N. M. Bagnovskaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 5. S. 367-372.
3. Vorob'eva O. Ju. Aktualizacija kul'turnoj pamjati v dejatel'nosti provincial'nogo muzeja = Updating of cultural memory in the activities of the provincial museum // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021. № 1 (118). S. 195-201.
4. Gachev G. D. Ja – sovjetskij chelovek i ne znaju drugogo obraza... = I am a Soviet man and do not know another image... // NG, 21 janvarja 1994 g.
5. Gerasimova E. Ju. Sovetskaja kommunal'naja kvartira = Soviet communal apartment // Istoricheskaja sociologija. 1998. № 1/2. S. 224-243.

6. Gerasimova K. Ot kapitalisticheskogo Peterburga k socialisticheskomu Leningradu: izmenenie social'no-prostranstvennoj struktury goroda v 30-e gody = From capitalist Petersburg to socialist Leningrad: a change in the socio-spatial structure of the city in the 30s / K. Gerasimova, S. Chujkina // Normy i cennosti povsednevnoj zhizni. Stanovlenie socialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920-e gody = Norms and values of everyday life. The Formation of a Socialist Way of Life in Russia, 1920s / pod red. Timo Vihavajnen. Sankt-Peterburg : Neva, 2000. S. 27-74.
7. Ermolin E. A. Materializacija prizraka. Totalitarnyj teatr sovetskih massovyh akcij 1920-1930 gg. = Materialization of the ghost. Totalitarian theater of Soviet mass actions 1920-1930. Jaroslavl' : Izd-vo Jaroslavskogo ped. un-ta, 1996. 141 s.
8. Erohina T. I. Fenomen pamjati v massovoj kul'ture: kontrpamjat' i postpamjat' v otechestvennom kinematografe = The phenomenon of memory in popular culture: counter-memory and memory in domestic cinema // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 5. S. 269-274.
9. Zlotnikova T. S. Chelovek, vojna, kul'turnaja pamjat' (k 75-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne) = Man, war, cultural memory (on the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 3 (114). S. 200-208.
10. Zlotnikova T. S. Chelovek. Hronotop. Kul'tura: Vvedenie v kul'turologiju = Man. Chronotop. Culture: Introduction to Cultural Science : uchebnoe posobie. 3-e izdanie, dopolnennoe i pererabotannoe. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2011. 332 s.
11. Katalog muzejnogo fonda. Chastnye muzei. Samorodki Rossii = Catalogue of the museum fund. Private museums. Nuggets of Russia / sost. A. Ju. Shaburov. 2019. 977 s = URL: <https://privatemuseums.ru/katalog/>
12. Kozlova N. N. Sovetskie ljudi. Sceny iz istorii = Soviet people. Scenes from history. Moskva : Evropa. 2005. 544 s.
13. Kozyr'kov V. P. Chastnaja zhizn' lichnosti i privatizacija kul'tury = Privacy and privatization of culture // Vestn. NNGU. Ser. «Social'nye nauki». Vyp. 1(2). Nizhnij Novgorod : NNGU, 2002. S. 117-130.
14. Lukash N. P. Povsednevnaia kul'tura sovetskih shestidesjatyh = Everyday culture of the Soviet sixties // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki. 2007. № 48. Vyp. 2. S. 120-126.
15. Lebina N. B. Sovetskaja povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju = Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to big style. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 488 s.
16. Lotman Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii. Izbrannye stat'i = Memory in cultural lighting. Selected articles. T. 1. Tallinn, 1992. S. 200-202. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92f.htm>
17. Pohepcov G. Totalitarnyj chelovek : ocherki totalitarnogo simvolizma i mifologii = Totalitarian man: essays on totalitarian symbolism and mythology / red. I. V. Vishnichenko. Kiev : Globus, 1994. 151 s.
18. Sapanzha O. S. Razvitie predstavlenij o muzejnoj kommunikacii = Developing ideas about museum communication // Izvestija Rossijskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 103. S. 245-252.
19. Utehin I. V. Ocherki kommunal'nogo byta = Essays on communal life. 2-e izd., dop. Moskva : OGI, 2004. 277 s.
20. Filosofija muzeja : uchebnoe posobie = Museum philosophy: tutorial / M. B. Piotrovskij, O. V. Bezzubova, A. S. Driker ; pod red. M. B. Piotrovskij. Moskva : NIC INFRA-M, 2014. 192 s.